

Гитанджали
Шри

РАСТВОРЯЯСЬ

В

ПЕСКАХ

INSPIRIA

Москва

Гитанджали
Шри

РАСТВОРЯЯСЬ

В

ПЕСКАХ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.214.21-31
ББК 84(5Инд)-44
Ш86

Geetanjali Shree
TOMB OF SAND

Copyright © Geetanjali Shree, 2021
This edition is published by arrangement with
The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd
and The Van Lear Agency LLC

Jacket art: *Ibrahim Rayintakath*, Jacket design: *Stephen Brayda*

Перевод с хинди *Екатерины Комиссарук*,
доцента Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Под редакцией *Любови Сумм*

Художественное оформление шмуцтитолов
Марии Кустовской

Шри, Гитанджали.

Ш86 Растворяясь в песках / Гитанджали Шри ; [перевод с хинди
Е. Комиссарук]. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-217919-8

Восьмидесятилетняя Мать скорбит по умершему мужу. Она отка-
зывается вставать с постели, несмотря на попытки родных и близких
поднять ей настроение. Но все меняется, стоит ее внуку, патологически
неспособному смеяться, принести бабушке золотую трость, усыпанную
бабочками. Мать встает с постели и начинает совершенно новую жизнь.

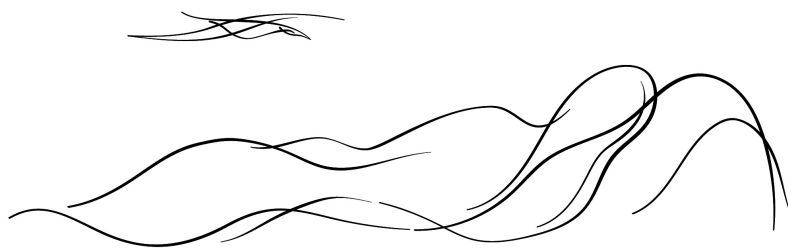
УДК 821.214.21-31
ББК 84(5Инд)-44

ISBN 978-5-04-217919-8

© Комиссарук Е., перевод на русский язык, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Моему учителю и вдохновению —
бесконечно любимой Кришине Собти.*

СТУНА

1

История рассказывает сама себя. Она может быть завершённой и незаконченной одновременно, как это бывает со всеми историями. Интересная. Эта история про границу и женщин, которые переходят ее туда и обратно. Если в истории есть женщина и граница, то история складывается сама собой. Но и сама женщина — это уже история. Полная замыслов и шепотов. В движении ветра, в траве, простирающей руки по ветру. И закатное солнце, зажигая сотни лампочек истории, развешивает их на облаках. Из этого по крупницам собирается повествование. И оно как-то движется вперед: то вправо, то влево, то отступая и идя в обход, как будто не знает, где остановиться. Всё и вся вдруг начинают рассказывать. Незаметно наполняясь, из чрева вулкана выходит и взрывается, извергая пар, искры и дым, — прошлое.

В этом рассказе были две женщины. Кроме них были те, кто пришел и кто ушел, или те, кто приходил и уходил постоянно, и те, кто почти всегда присутствовал, но не был так уж важен, а тех, кто не был женщиной, и не стоит сейчас упоминать. Остановимся на том, что две женщины были важны: одна из них уменьшалась, а другая росла.

Были две женщины и одна смерть.

Две женщины, одна смерть. Как же будет здорово, когда усядемся рядом — мы и они!

Две женщины, одна Мать, одна Дочь, одна уменьшается, другая растет. Одна смеясь говорит: «Я день за днем уменьшаюсь»,

другая печалится, но ничего не говорит, видя, как с каждым днем стареет. Мать перестала носить сари: уже больше половины его приходится заправлять за пояс, а нижние юбки с каждым днем подтягивать все выше. Но разве, уменьшившись, можно обрести способность кошки с легкостью протиснуться в любое отверстие и вылезти через него? Разве можно пробить брешь в границе и ускользнуть? Начать казаться почти невидимой?

Возможно, все это послужило причиной того, что Мать все-таки решила перейти на ту сторону границы, а Дочь, охваченная мыслями о старости, печалилась, что они напрочь застряли. И может быть, маленькая женщина была невинна, когда отказывалась признавать какой-либо свой проступок, будь то неисполнение предписанного законом, споры, в которых переходили на личности, или же обвинение в краже.

Те, кто не мог понять ее доводы, считали ее сумасшедшей или, возможно, пронырливой. Мол, намеренно сбивает с толку.

Спрашивала: «Ну, ели или нет? Мужчины отборный горох, а женщины тот, что рос сорняком? Ну и? Так?» Бесстрашно спрашивала. Был ли толк с того?

Но разве пограничники должны сразу все понять, если уставишься на них с вызовом? «Вы нелегально пересекли границу», — рычали они. Она хохотала:

— Что ни сделай, все нелегально пересечешь границу. Что же теперь ничего не делать?

— Нет, — сказали они строго. — Любой дурак это знает. Даже козы и коровы понимают, где им можно шляться, а где нельзя. Или вам так плохо подобрали очки, что не разглядели? Никаких извинений.

— А кто просит прощения? — прогремел ее смех. Стареющая Дочь расплакалась.

— Да и на что тут глядеть? Уж, наверное, и мы тоже кое-чего повидали? Может, и ты как-нибудь примеришь мои очки?

У нее было одно желание: если падать, то не лицом вниз. Откуда бы ни прилетела пуля и куда бы ни попала, она упадет ровнехонько на спину и будет лежать на земле, обводя небо глазами.

— Дай мне поупражняться, — говорила она Дочери.

Она начинала икать. И все икала и икала... а Дочь, наверное, и усомнилась бы в неподдельности этой икоты, если бы не была такой несчастной и опустошенной.

— От воды не перестанет, ударь кулаком по спине, — велела она. — Если кулаком не получается сильно, разбегись и резко бей в спину, в живот, по бокам. А если упаду, то на спину, глаза открыты, лоб вверх — тогда икота пройдет.

Странная это была процедура, но Дочь подчинялась слову Матери. Бам-бам-бам — удар за ударом — вот такая новая игра, и она с грохотом валила Мать на землю. Поначалу недоумевающие наблюдатели тоже разражались смехом: «Ну что взять с древней старухи?» А Дочери Мать говорила:

— Мне нужно подготовиться.

Как бы то ни было, история так и сложилась: пуля прилетела, но к тому моменту Мать виртуозно освоила искусство падения в нужном положении. Пуля прилетела и, пройдя насквозь, вышла. Кто-то другой лежал бы ничком, вымазанный в грязи, но Мать, будто выполняя акробатический трюк, в прыжке развернулась на спину и триумфально улеглась на землю лицом в небо — с честью и достоинством, как если бы это была удобная кровать.

Те, кто считает, что смерть — это конец, подумали, что вот он настал. Но знающие знали, что никакой это не конец — она перепрыгнула еще одну границу.

Поэтому нет никакой беды начать рассказ отсюда, ведь откуда ни начни, все верно.

2

До начала всего этого случилась одна смерть. Смерть мужчины, чья женщина отказалась опереться на его трость. Тот мужчина был мужем этой самой Матери и Отцом этой самой дочери. Казалось, что и после смерти только он защищал

и вел за собой, а его жена, как ни взгляни на нее, умерла, будь он жив или мертв. Так она лежала в своей комнате.

Их комната. В углу дома. Кровать мужа и жены. Зимние дни. Толстое одеяло, заправленное в пододеяльник. Бутылка с горячей водой. Шерстяная шапка. Висящая на крючке трость. И сейчас у кровати на маленьком столике стоит пиалка, в которую он, когда был жив, клал на ночь вставную челюсть. Утром доставал. Потом — за трость.

Снаружи холод, от которого стучат зубы, внутри — стучащая зубами Мать.

Похожая на сморщившийся кулек, она с каждым мигмом сморщивалась все больше, подавая из-под огромного ватного одеяла невнятный сигнал, что она еще где-то существует. Кулек сначала лежал на одной стороне кровати, потом сползал, то выше, то ниже, то в другую сторону. Как будто она пыталась прикинуть, как и где сможет развернуться. Или просто отворачивала лицо, показывая спину своим детям. Так она соскальзывала все ближе к стене и пыталась слиться с ней, приложив всю свою силу, которой было чуть меньше восьмидесяти лет.

Стена — роль ее в этой истории весьма значительна. (Как и у двери, через которую проходят туда-сюда, из одной стороны в другую, раз за разом и век за веком, а потому из вечности в вечность.)

Не какая-то необычная стена. И не представляющая какой-либо художественной ценности. Как стена в пустыне Тар, инкрустированная стеклышками, или стена высоко в горах, вписанная в коллаж из скал, или еще какая-нибудь, выдающаяся цветом и формой; и не украшенная к свадьбе дверь, сверкающая лентами и праздничными рисунками; и не дверь, которая, поддавшись лицемерному желанию, порожденному современными тенденциями, стала выглядеть старой, хотя была новой; не дверь, сделанная из пластика, но жаждущая выдать себя за обмазанную кизяком; не утыканная искусственными соломинками; и не с инкрустацией на гладком мраморе; и не цветная ошеломляющая высокая

блестящая оранжево-сине-зеленая стена, построенная транснациональной компанией: такая не выцветет, не облупится, не потрескается, а будет стоять на месте твердо, неизменно, вечно.

Это была всего лишь простая стена, обычная стена из кирпича и цемента, пожелтевшая, оштукатуренная, стена среднего класса, на которой держались потолок, пол, окно, дверь. Внутри увитая сетью труб, проводов и всяких кабелей-шнуров, она заворачивала весь дом в стенной конверт и была его опорой.

Такая стена, к которой Мать, находившаяся теперь по эту сторону восьмидесяти, продвигалась сантиметр за сантиметром. Холодная стена в те зимние дни и, конечно, испещренная трещинами, как это бывает с обычными стенами.

Чего никогда нельзя будет сказать точно, так это, что сыграло бóльшую роль: то, что стена притягивала ее к себе, или ее желание показать семье спину. Просто Мать становилась все ближе к стене, а ее спина становилась все слепее и глуше и сама сделалась стеной, отделив тех, кто приходил в комнату уговаривать-умасливать: «Мам, вставай!»

3

— Нет, я не встану, — бормочет кулек, завернутый в одеяло, — нет-нет, не сейчас, не встану.

Этот ответ встревожил детей, и они наседали все больше, потому что боялись: «Ох, наша Мама... Папа ушел и забрал ее с собой».

— Не спите так долго, вставайте!

Она все спит. Все лежит. Глаза закрыты. Повернулась спиной. Они продолжают нашептывать.

Когда был Папа, она вся была в заботе о нем, в движении, всегда наизготове, пусть и смертельно уставшая. Все перетирала в порошок, полна жизни. Раздражалась, злилась, брала себя в руки, не решалась сказать, делала вдох, еще и еще.

Ведь именно в ней движется вдох каждого, вдох каждого наполняет она.

А теперь она говорит, ей незачем вставать. Как будто Папа был смыслом жизни. Ушел он, а с ним — и смысл.

— Нет, Мама, нет! — настаивали дети. — Посмотри на улицу, солнце вышло, вставай, бери трость, поешь поджаренного риса — он с горошком; если расстроился живот, вот возьми пригоршню горчичных семян.

— Нет, я не, не... не, — хнычет Мать.

— Устала бедная, одна, сдалась. Подними ее, займи чем-то, развлеки, — подобно Ганге в них разливается безбрежный поток сострадания, вздымающийся волной у спины Матери.

— Не сейчас, — хочет закричать она. Но голос еле-еле доносится.

Могла ли Мать подумать, что попытки детей оживить ее все больше усилят притяжение стены? Так ли это было? Когда к комнате приближались звуки шагов, она ложилась, повернувшись спиной, и прижималась к стене. Она продолжала умирать: глаза-нос закрыты, уши запечатаны, рот зашит, ум опустошен, желания отсутствуют, птичка — фьють.

Но и дети упрямятся. Взялись всерьез: как прорастить на спине глаза, нос, уши? Что делать, если жалуется на понос от лепешек с подливой?

Все те же перебранки и ссоры. Все та же печка, деревяшки для розжига, мука. Все то же «постирай пеленки».

— Не, не, не, — твердила она.

Это не было махинацией, но она уподобилась машине. Уставшая машина. Изношенный механизм. Не желая растрчивать себя на что-либо, она раз за разом бессильно бормотала:

— Нет, не, ни... Сейчас не-е-е встану...

Пара слов, которые заставляли детей волноваться: Мать умирает.

Слова. А что такое слова? Звук, в который они подвешивают свои смыслы. За ними нет никаких доказательств. Они следуют своим путем. Порожденные умирающим телом и гибнущим духом, смыслы обретают противоположное значение. Посадили